

УДК 94(47)“18”

**Иван Михайлович Шумков:
штрихи к портрету
русского интеллигента
второй половины XIX в.**

С. А. Ежова,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**Ivan Mikhailovich Shumkov:
strokes to the portrait of
the Russian intellectual of
the second half of the 19th
century**

S. A. Ezhova,

*Kazan federal university,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Одним из актуальных направлений современной исторической науки является интеллигентоведение. Возникнув в 90-е годы прошлого века как объект междисциплинарного изучения в блоке отечественных гуманитарных знаний, оно исследует конкретно-историческое явление интеллигенции в широком социокультурном контексте. Во второй половине XIX в. значительную часть интеллигенции составляли разночинцы. Начиная с 1840-х и, особенно, в 1860-е гг. разночинная интеллигенция играет заметную роль в общественной и культурной жизни России. Литература, посвященная ее революционно-демократической части, очень представительна, что обусловлено приоритетами исследовательской проблематики советского периода. В последние десятилетия появилось немало публикаций, посвященных изучению феномена провинциальной разночинной интеллигенции, в которых поднимаются вопросы путей ее формирования, состава, повседневной жизни, ментальности, роли в обществе, позволяющие воссоздать собирательный образ интеллигента российской глубинки. Данная статья посвящена учителю, воспитаннику медицинского факультета Казанского университета, физиологу И. М. Шумкову. В результате проведенных изысканий появилась возможность уточнить роль И. М. Шумкова в организации преподавания и воспитательно-го процесса в первый период существования начальной школы Л. П. Крюковской (в дальнейшем известная в России частная женская гимназия с профессиональным отделением Л. П. Шумковой). В статье рассмотрено участие Шумкова в полемике по вопросам психофизиологии, развернувшейся среди казанских университетариев в 1877 г. Публикация, основанная на архивных документах, в том числе данных семейного архива О. Ю. Трейтер, опубликованных воспоминаниях разных лиц, материалах периодической печати, позволяет полнее раскрыть личность Шумкова с присущими ему чертами характера, убеждениями, стремлениями и идеалами, отношением к работе и людям. Имеющийся материал

также позволяет проследить его социальные и дружеские связи в казанском обществе. В приложении к статье публикуется текст трех писем И. М. Шумкова Н. Я. Агафонову из фондов Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского.

Abstract

One of the relevant trends of the modern historical science is intelligentsia studies. Formed in the 1990s as an object of interdisciplinary studies within the Russian humanities, it studies the specific historical phenomenon of the intelligentsia in a broad socio-cultural context. In the second half of the 19th century, a considerable part of the intelligentsia consisted of *raznochintsy* (intellectuals not belonging to the gentry). Starting from the 1840s and, especially, in the 1860s, the intelligentsia belonging to different social classes played a significant role in the social and cultural life of Russia. The literature devoted to its revolutionary-democratic part is very representative, which is caused by the priorities of the research background of the Soviet period. Within the recent decades, a lot of publications devoted to the study of the phenomenon of the provincial intelligentsia have appeared, thus raising the questions of the ways of its formation, composition, daily life, mentality, and its role in the society, and allowing to reconstruct the generalized character of the intellectuals of the Russian province. This article is devoted to a teacher, a student of the Medical faculty of Kazan University, the physiologist I. M. Shumkov. As a result of the research, it became possible to clarify the role of I. M. Shumkov in the organization of teaching and educational processes during the initial stage of the existence of L. P. Kryukovskaya primary school (later on a famous Russian private girl's high school with the professional department of L. P. Shumkova). The article reviews Shumkov's contribution to the debate over the issues of psychophysiology held among the Kazan university unions in 1877. Based on archival documents, including the information from O. Yu. Treyter's family archive, published reminiscences of various persons, and periodical press materials, the publication allows to provide further insight into Shumkov's personality showing his traits of character, beliefs, aspirations, and ideals, his attitude towards work and people. The material makes it possible to trace his social and friendly ties in the Kazan society. The supplement to the article contains the texts of three letters by I. M. Shumkov to N. Ya. Agafonov kept at Department of Manuscripts and Rare Books of N. I. Lobachevsky Scientific Library.

Ключевые слова

И. М. Шумков, Казань, XIX в., учителя, народное образование, начальные училища, Л. П. Шумкова, частные школы, Казанский университет, физиологическая научная школа, интеллигенция.

Keywords

I. M. Shumkov, Kazan, 19th century, teachers, public education, primary schools, L. P. Shumkova, private schools, Kazan University, school of physiology sciences, intelligentsia.

Иван Михайлович Шумков¹ родился 24 июня 1839 г. в с. Новое Усолье Соликамского уезда Пермской губернии в семье крепостных крестьян. После смерти родителей вместе с младшей сестрой Клавдией получил вольную.

Николай Николаевич Яковлев², сын Клавдии Шумковой, вспоминал: «Моя мать, Клавдия Михайловна, из крепостных князя Голицына, приписанных к уральским заводам, родилась в Усолье на Каме. Она рано осталась без отца, а с двенадцати лет и без матери и до замужества жила со своим братом, Иваном Михайловичем Шумковым. Последний, окончив уездное училище, несколько лет был школьным учителем в различных городах (помнится в Малмыже, Бугульме, Спасске). Моя мать, будучи еще девочкой, вела хозяйство брата. У меня с детства врезался в память

*И. М. Шумков. Из личного архива
О. Ю. Трейтер.*

*I. M. Shumkov. From
O. Yu. Traiter's private archive.*

в письмах И. М. Шумкова Н. Я. Агафонову⁵, отправленных в 1866-1867 гг. из Спасска⁶. Обращаясь к Агафонову как к старому другу, он просит разузнать о намечающейся вакансии на должность университетского библиотекаря. Будучи учителем по призванию, Иван Михайлович рассуждает в письме на тему педагогики. Он любил детей и дело, которым занимался, и понимал недостаточность своих знаний и необходимость продолжения образования: «Надо учиться. Для педагогики надо учиться – психологии, физиологии, анатомии, химии, физики – многому надо учиться: все это интересно и само по себе. Ведь Вы, Николай Яковлевич, сочувствуете моим домогательствам – попасть сперва к университету, а потом и в университет? Так, надеюсь, не позабыли и не позабудете известить меня, если откроются какие-нибудь к этому шансы»⁷.

В 1866 г. состоялось знакомство Ивана Михайловича с Лидией Петровной Крюковской, урожденной Степановой.

ее рассказ о том, как, будучи немногим старше десяти лет, она полоскала холсты в Каме, не смогла удержать и утопила их, и как ее выручил брат Иванушка (так она звала своего брата до самой его смерти в сорокапятилетнем возрасте), прибежавший на ее зов, нырнувший в реку и вытащивший холсты со дна»³.

И. М. Шумков окончил Новоусольское приходское училище князей Голицыных и выдержал испытания в педагогическом совете Пермской гимназии. В октябре 1860 г. он получил назначение на должность учителя Новоусольского училища, однако в январе 1863 г. после объединения училищ князей Голицыных и графов Строгановых оказался за штатом. До 1866 г. преподавал русский язык и литературу в уездных училищах Казанского учебного округа: Соликамском, Городищенском, Спасском⁴. Все время занимался самообразованием, вынашивая мечту поступить в университет. О желании переехать в Казань и поиске места службы в университете идет речь

*Л. П. Шумкова. ОРРК НБЛ КФУ,
ед. кр. 9393.*

*L. P. Shumkova. Department of
Manuscripts and Rare Books,
N. I. Lobachevsky Scientific Library,
item 9393.*

Жизненная ситуация Лидии Петровны была на тот момент непростой: желая жить своим трудом, она ушла от нелюбимого мужа, за которого была выдана замуж в 16 лет. Ситуация вряд ли возможная всего лишь десять лет назад. Однако, в 1863 г. Н. Г. Чернышевским уже был написан роман «Что делать?». Опубликованный «Современником» текст романа в рукописных копиях разошелся по стране и вызвал массу подражаний. О значении романа для передового русского общества говорится в воспоминаниях Е. Н. Водовозовой⁸: «В настоящее время трудно представить себе, какое огромное влияние имел этот роман на своих современников. Его обсуждали не только в собраниях, специально для этого устраиваемых, но редкая вечеринка обходилась без споров и толков о тех или других вопросах, в нем затронутых»⁹.

Актуальные вопросы российской жизни, поставленные романом, вызвали горячий отклик современников. Не все разделяли идеи революционного призыва к борьбе за справедливое устройство жизни – социализм, но темы созидательного труда, просвещения народа, эмансипация женщины и нравственность, выраженная в любви и семье, волновали общество. Е. Н. Водовозова писала: «Эмансипация женщин и тесно связанный с этим вопрос о их самостоятельном заработке был прежде всего вызван экономическими условиями этой эпохи, а также и ее демократическими идеями, но сильный толчок к распространению этих идей был дан, конечно, и романом “Что делать?”. С его выходом в свет женщины несравненно энергичнее начали стремиться к самостоятельному заработку, к высшему образованию и вести борьбу за свое освобождение, за уравнивание своих прав с мужчинами...»¹⁰

Тем не менее, неординарный поступок Лидии Петровны в провинциальном обществе вызывал осуждение. Л. П. Крюковская очень нуждалась в поддержке, а главное – в заработке. В третьем письме Шумкова Агафонову упоминается некая «дама, которая святым родня», из-за которой Лидии Петровне было отказано в месте при библиотеке. Письмо датировано апрелем 1867 г., почти целиком посвящено Лидии Петровне и содержит просьбу о месте для нее: «Ее мать зовет к себе, но Л. П., как мне пишут, не хочет идти к ней, хочет жить самостоятельно хотя бы и в большой нужде. Пусть же, пусть... Побольше бы таких характеров и между мужчинами. Это было бы весело. Помочь надо, поддержать нам надо такой характер...»¹¹. В 1867 г. Л. П. Крюковская поступила на акушерские курсы (повивальный институт) при Казанском университете, в 1869 г. получила диплом с отличием¹².

В сентябре 1867 г. хлопоты И. М. Шумкова о переводе в Казань увенчались успехом, приказом попечителя учебного округа он был назначен на должность сверхштатного учителя русского языка в Казанское уездное училище¹³. С сентября 1868 г. Иван Шумков начал посещать занятия в университете в качестве вольнослушателя. В 1870 г. сдал экзамены на аттестат зрелости в 1-й Казанской гимназии и поступил на медицинский факультет университета.

Н. Н. Яковлев писал о жизни брата и сестры Шумковых в тот период: «Моя мать открыла “кухмистерскую”, где человек тридцать студентов получали домашние обеды, стоившие копеек тридцать. На доход от кухмистерской она жила с братом, неустанно работая сама не только как хозяйка, но и как повар»¹⁴. Яковлев отметил также, что заведение его матери упомянул в своих воспоминаниях бывший студент Казанского университета, революционер-народник Д. А. Клеменц¹⁵. Действительно, в воспоминаниях Клеменца несколько строк

посвящено кухмистерской. Вот что он писал в этой связи: «Рядом с контристами появились последователи Спенсера. Одно время даже существовал студенческий клуб, но он продержался недолго. Один из богатых студентов нашел хозяйку для этого клуба. Она открыла кухмистерскую, и в ней по вечерам собирались клубисты; но клубную хозяйку надо было поддерживать, а большинство клубистов были люди маломочные»¹⁶. Далее Клеменц называет фамилию хозяйки кухмистерской: «Все пойдем в кухмистерскую к Шумковой, а там увидим, что дальше будет. Соколов не заставил себя ждать, и мы отправились вместе с ним обедать. Целый обед проговорили о библиотеке»¹⁷. Вскоре Клавдия Шумкова вышла замуж за студента медицинского факультета Н. В. Яковлева, завсегдатая кухмистерской, в 1870 г. в семье родился сын. В 1871-1873 гг. она была ученицей повивального института¹⁸ при университете, однако не окончила его. Замужество сестры совпало по времени с поступлением в университет Ивана Шумкова. Тогда же он сделал предложение Л. П. Крюковской, муж которой не соглашался на развод, и поэтому возможность заключения официального брачного союза для них была исключена. Они стали жить в гражданском браке. Это был союз, основанный на любви, взаимном уважении, общности взглядов и убеждении в необходимости служения на благо народа.

В 1871 г. И. М. Шумков и Л. П. Крюковская купили пришедшую в упадок начальную школу бывшего военного писаря П. Е. Рогожкина. Школа переехала в дом Степанова на углу улиц Рыбнорядская и Старо-Горшечная (дом сохранился до наших дней, находится на углу улиц Пушкина и Щапова). С разрешения Казанского уездного училищного совета она была зарегистрирована как частное начальное училище Л. П. Крюковской¹⁹. Получив образование в частном пансионе, она имела право преподавания. В первое время существования школы ученики, перешедшие в нее от Рогожкина, были великовозрастными (14-15 лет), но уже в сентябре хозяева приняли маленьких и сделали школу смешанной. Плата за учение составляла два рубля в месяц, малообеспеченные семьи платили от 50 копеек до полутора рублей, были и те, кто учились бесплатно. С самого начала в основу обучения и воспитания детей были положены педагогические идеи К. Д. Ушинского. Были отменены телесные наказания и оставление без обеда. Основная преподавательская нагрузка легла на И. М. Шумкова, одновременно учителя Казанского уездного училища. Иван Михайлович обладал незаурядными педагогическими способностями, хорошо знал детскую психологию, умел найти подход к детям. «Общество детей есть то же общество, в котором мы, взрослые, живем, в котором – бедствуем или благодушествуем, есть то же общество, только в миниатюре и с такой на первых порах разницей, что в обществе детей не замнутя, не затопчутся наши знания, убеждения, если они реальны. Следя и следуя за развитием детей, прямо и, так скажем, исторически натолкнешься на развитие общества, на его богатства и недостатки, на его здоровье и болезни...»²⁰ – писал он Агафонову.

Интересные и содержательные воспоминания о начальном периоде существования школы и, конкретно, об И. М. Шумкове оставил его бывший ученик – П. А. Дубровин: «У Ивана Михайловича был своеобразный громадный талант овладевать вниманием учеников. Изобретательность его в достижении этого была неисчерпаема. Он старался вдохнуть интерес к знаниям и вместе с этим умел поддерживать в учениках жизнерадостное настроение, вставляемыми шутками и прибаутками. Он стремился опровергнуть положение, что корень учения горек... он умел

создать такие условия, что учение под его руководством оказывалось сплошным удовольствием или по меньшей мере развлечением. Иногда, заметив в некоторых учениках утомление внимания, вдруг он останавливался на полуслове и говорил: “Ну, пока довольно, отдохнем немного”, шел в свою комнату и приносил гитару. Первые взятые аккорды на гитаре заставляли весь шумный класс примолкнуть и насторожиться, а Ивану Михайловичу только этого и было нужно»²¹. Описывает мемуарист, как при объяснении явлений природы учитель ставил разнообразные опыты (в частности, с лейденской банкой). В классе ученики знакомились с работой микроскопа; наблюдая за растворением стального пера в серной кислоте, получали зачатки знаний по химии; изучали строение скелета человека. Кроме того, Шумков водил учеников в физический кабинет уездного училища, где показывал действие электрической машины, воздушного колокола для откачивания

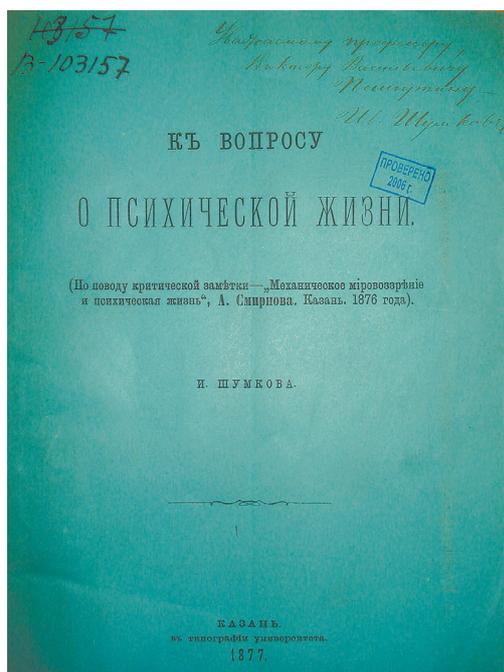
воздуха и других приборов. Нелишним будет напомнить, что все это относится к началу 1870-х гг., прошло всего около 10 лет, как в России было отменено крепостное право. Мемуарист сравнивает школу с уездным училищем, в котором ему пришлось учиться после ее окончания: «Там нам не только не показывали никаких пособий, но не пускали даже посмотреть их за стеклом в шкафах, потому что шкафы стояли в особой комнате, куда ученики не допускались. Так вот на каком темном фоне и какой светлой точкой явилась школа Ивана Михайловича»²². Обнаружив в Дубровине способности к учению, Иван Михайлович уговаривал его пойти в гимназию, обещав похлопотать стипендию, но отец предпочел отдать сына в уездное училище. Когда при встрече Шумков узнал об этом, то совершенно неожиданно для мемуариста не только не обрадовался, но даже заплакал. «Я был дик и невежествен настолько, что долго не понимал этих дорогих слез, но... забыть их не мог. И чем дольше я жил, чем больше я встречал вредителей жизни, тем яснее для меня был смысл этих слез, и тем ценнее становились они в моей жизни»²³.

Количество учеников в 1870-е гг. варьировалось в пределах от двадцати до тридцати, в 1879 г. составило 40 человек. В соответствии с принципами трудового воспитания Ушинского детям прививали полезные навыки в ремесле, для девочек ввели уроки рукоделия, что было новинкой для начальных школ Казани. Немало способствовал трудовому воспитанию открытый Лидией Петровной пансион²⁴ для учащихся, в котором жило до 12 мальчиков и девочек. Дети сами убирали комнаты, накрывали на стол, ухаживали за коровой. Для разбора недоразумений и споров, неизбежных в детском коллективе, был организован товарищеский суд под председательством Ивана Михайловича²⁵. Должность судей была выборной – дети выбирали

*П. А. Дубровин. Из личного архива
Н. Г. Вишневецкой.
P. A. Dubrovin.
From N. G. Vishnevskaya's private archive.*

*Оттиск статьи
И. М. Шумкова с автографом.
Из фондов Научной библиотеки
им. Н. И. Лобачевского КФУ.
A print of I. M. Shumkov's article with his
autograph. From the funds of
N. I. Lobachevsky Scientific Library of KFU.*

их из своей среды. По субботам для учащихся И. М. Шумков устраивал школьные вечера. «Сколько тут было смеху! Особенное удовольствие доставляла игра в жмурки. Все играли с азартом. Парты сдвигались. Дойдет очередь завязать глаза Ивану Михайловичу. Как он наклонится, руки вперед: раз – два! Кого-нибудь и поймает. Устанем бегать, Иван Михайлович берет гитару и поет что-нибудь из Некрасова. И все с удовольствием его слушают... Как просто Иван Михайлович учил любить правду и помогать другим. Слушаешь, бывало, его и новый мир раскрывается перед тобой»²⁶, – вспоминала об этих вечерах одна из воспитанниц.

Параллельно с работой в школе И. М. Шумков много времени уделял учебе в университете и научной работе, которую начал вести в физиологической лаборатории под руководством профессора Н. О. Ковалевского, основателя Казанской физиологической школы. Находившийся в самом расцвете творческих сил, Ковалевский пользовался в университете большим авторитетом. «Продолжая свои научные исследования и руководя работами учеников, постоянно наполнявших его лабораторию, Николай Осипович посвятил массу времени и здоровья своей чисто педагогической деятельности. Обладая прекрасным даром слова, необыкновенной ясностью изложения, всегда доступный для всякого желающего получить объяснение, терпеливый и гуманный, он имел громадное влияние на свою аудиторию и был глубоко и искренно уважаем и любим студентами»²⁷, – вспоминал его ученик профессор Н. А. Миславский.

В 1870-е гг. в физиологической лаборатории Казанского университета решали научные задачи И. Г. Навалихин, И. П. Скворцов, Н. Ф. Высоцкий, Н. М. Соковнин, Н. А. Миславский, И. М. Шумков и др. Поступив в университет в тридцать один год, Иван Михайлович усиленно занимался, стараясь наверстать упущенное время. Полученные им результаты исследования околосердечной сумки были доложены на проходившем в августе 1873 г. в Казани IV съезде русских естествоиспытателей. На 3-м заседании объединенных секций

анатомии и физиологии, зоологии и сравнительной анатомии профессор Н. О. Ковалевский от имени студента И. М. Шумкова сделал сообщение «О методе наливания лимфатических сосудов околосердечной сумки»²⁸. Метод Шумкова получил признание и в последующих исследованиях физиологов²⁹.

Ученики Ковалевского активно сотрудничали в Обществе естествоиспытателей и Обществе врачей при Казанском университете, изучали санитарное состояние города и его окрестностей, публиковали свои наблюдения в местных газетах. Сохранилась записка Шумкова от 15 ноября 1873 г., адресованная Н. Я. Агафонову как редактору «Камско-Волжской газеты»: «Николай Яковлевич! Не угодно ли присылаемую статейку напечатать в “Камско-Волжской газете”, если найдете это удобным. Пробежите ее при посланном жене (она недлинна) и с ним же скажите “да” или “нет”»³⁰.

Видимо ответ был получен положительный, уже на следующий день под псевдонимом И. Шмаков в «Камско-Волжской газете» вышла статья, в которой автор обращает внимание городского обывателя на качество воды и воздуха Казани: «Нечистота, сырость и зловоние, самые зловредные кварталы города те, которые заливаются весенним разливом р. Волги, и где нечистоты выливаются очень часто прямо на улицу»³¹. Поскольку меры для охраны народного здоровья составляют главнейшую обязанность городского общественного управления, автор высказывается за принятие радикального решения по засыпке Черного и Театрального озер в центре Казани. Для предупреждения наводнения городских кварталов предложил построить земляные дамбы, для осушения болотистой местности между городом и Волгой провести каналы. Поздравляя горожан с устройством водопровода, говорит о назревшей необходимости строительства централизованной канализации. В статье высказывал оригинальную идею «обратить Казанку в Булак, сделать его судоходным, а из Кабана провести шлюзованный канал в начальную постройкой бухту, – мысль удобоисполнимая в техническом отношении, но для исполнения ее нужны многие сотни тысяч, которых пока взять неоткуда, следовательно, остается сделать то, что можем, оставив прекрасную идею в наследство потомству, чтобы оно знало о том, что и мы кое о чем думали»³². Статья подняла одну из острых проблем санитарного состояния города, и вызвала оживленную дискуссию на страницах газеты.

В 1875 г. Иван Михайлович окончил медицинский факультет со степенью лекаря и званием уездного врача, и был утвержден помощником прозектора на кафедре физиологии Казанского университета с окладом 500 рублей в год. В 1877 г. он стал участником полемики по проблемам психофизиологии, развернувшейся в университете. Все началось с выступления Н. О. Ковалевского на университетском акте 5 ноября 1876 г. с речью «Как смотрит физиология на жизнь вообще и на психическую, в особенности»³³. В актовой речи профессор, критикуя позиции идеализма и дуализма в психологии, развил концепцию рефлекторной природы деятельности головного мозга и его высших психических функций. Тем самым утверждался материалистический подход к изучению психических явлений³⁴. Любимец учащейся молодежи, он закончил речь под гром студенческих аплодисментов, долго не смолкавших. «Мы горячо аплодировали Ковалевскому, видя в его речи победу реальной философии над метафизикой, в городе многие возмущались содержанием ее... говорили, что студенты устроили на акте демонстрацию»³⁵, – вспоминал один из присутствовавших студентов.

Доцент кафедры философии А. И. Смирнов отозвался на эту речь публикацией статьи «Механическое мировоззрение и психическая жизнь»³⁶. В ответ на критику положений дуализма обвинил материалистов в принятии абсолютной реальности вещества, атомов и их движений разных форм и величин, а также попытке с этих позиций объяснить ощущение, представление и все процессы мышления, утверждая, что открытия в области нервной физиологии не доказывают материальности психической жизни. Со статьей «К вопросу о психической жизни», направленной против идеалистических высказываний Смирнова, в дискуссию вступил И. М. Шумков. Позднее оттиск статьи был выпущен отдельной брошюрой³⁷. Объясняя, что нельзя смешивать материю и ее свойства, он называл ощущение, сознание и мысль именно свойствами особо организованной материи – мозга. Жизнь человека и его психика не должны изучаться субъективными методами психологии и в отрыве от окружающих условий, в которые входит и социальная среда: «Только с ростом положительных знаний, только с развитием социологии во всех ее подразделениях, как науки об общественном организме, только с развитием биологии, т. е. анатомии, физиологии и вспомогательных наук последней, стали возможными определение, рациональное изучение условий жизни человека и жизни его организма в частности»³⁸.

В заключение он предложил своему оппоненту продолжить дискуссию, выразив готовность обсудить спорные вопросы, однако ответа не получил, и полемика на этом завершилась. В 1879 г. под редакцией И. М. Шумкова был издан литографированный двухтомный «Курс физиологии»³⁹ Н. О. Ковалевского, включивший 43 лекции, написанные от руки аккуратным почерком, и дающий полное представление о содержании лекций, прочитанных студентам Казанского университета в 70-х годах XIX в.

Иван Михайлович и Лидия Петровна почти десять лет прожили в гражданском браке, не заводя детей, так как эти дети считались бы незаконными, и не имели никаких прав. После смерти первого мужа Крюковской, они смогли обвенчаться. Жизнь налаживалась, в феврале 1881 г. в семье родилась дочь Лидия, а 7 декабря 1882 г. сын Христофор. Иван Михайлович был очень рад рождению сына. В санях в шубе нараспашку он ездил по друзьям, приглашая на крестины⁴⁰, простудился и через неделю (29 декабря 1882 г. в 6 часов утра) умер от воспаления легких. Эта смерть стала потрясением для всех знавших и любивших его.

Ошеломленный преждевременной кончиной ученика, профессор Н. О. Ковалевский в последнем слове над гробом покойного сказал: «Я не могу еще привыкнуть к мысли о смерти твоей, дорогой товарищ. До того она неожиданна! Еще так недавно я видел тебя за любимым твоим делом, за работой, которой ты отдавался весь – целиком; видел тебя веселого, бодрого, полного надежд – во что бы то ни стало и когда бы то ни стало разрешить трудную интересовавшую тебя научную задачу... Биография твоя не сложная. Но жизнь, прожитая тобой, не легкая. Прожить твои 43 года и не изменить высоким человеческим идеалам, это – не поле перейти... Ты искал знания. Ты жаждал услышать от природы новое слово. Но, отдаваясь науке, ты не покинул родной тебе детской школы, которой посвящал все свои досуги и во время студенчества. Ты стал жить между лабораторией и школой, куда ты вносил теперь собственный богатый педагогический опыт... Тебя не забудут твои молодые ученики. Не пропадет для юности твой живой пример честной и трудовой жизни, дающей нам нравственное удовлетворение»⁴¹.

Среди каждого поколения российской интеллигенции встречаются немногочисленные и скромные ее представители, которые прожили недолгую жизнь, и не успели в полной мере реализовать свои дарования, но чье нравственное влияние на окружающих продолжилось и после их смерти. Постоянно занимавшийся саморазвитием, сочетавший в себе функции носителя норм нравственности и патриотизма, ученого и учителя в высоком смысле этого слова, Иван Михайлович был именно таким человеком.

П. А. Дубровин писал о И. М. Шумкове: «С чувством особого благоговения вспоминаю его как энергичного человека, который нам часто говорил: “Хотенье да труд – все перетрут”. Вспоминаю его – как знатока детской души, как оригинального, талантливого педагога и как человека доброго, любящего детей и педагогическое дело»⁴².

Отложенное в связи со смертью отца крещение Христофора Шумкова состоялось 22 января 1882 г. в Богородицкой университетской клинической церкви. Крестным отцом стал потомственный почетный гражданин, сын богатого вятского купца и будущий совладелец одного из крупнейших торговых домов России – Петр Иванович Александров, а крестной матерью – жена профессора Софья Михайловна Ковалевская. Глубокое уважение, которое питал П. И. Александров к личности И. М. Шумкова и искреннее сочувствие его вдове привели в дальнейшем к их плодотворному сотрудничеству на ниве народного образования. Благодаря материальной помощи Александрова и неустанному труду Лидии Петровны, их с Иваном Михайловичем маленькая начальная школа за сорок с лишним лет выросла в уникальное учебное заведение г. Казани – частную женскую гимназию с профессиональным отделением Л. П. Шумковой⁴³, хорошо известную в дореволюционной России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Русский биографический словарь: Шебанов – Шютц / Под ред.: В. Г. Дружинина, М. Г. Курдюмова. [Репринт]. – М., 1999. – С. 537.
2. Яковлев Н. Н. (1870-1966), советский геолог, палеонтолог, член-корреспондент Академии наук СССР (1921). Один из учредителей и первый председатель Русского палеонтологического общества (1916).
3. Яковлев Н. Н. Воспоминания геолога-палеонтолога. – М., 1965. – С. 9-10.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 478, оп. 1, д. № 2427, л. 13.
5. Агафонов Николай Яковлевич (1842-1908), краевед, библиофил, общественный деятель. Редактор-издатель «Камско-Волжской газеты» (1872-1874).
6. В фонде Н. Я. Агафопова в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского нами обнаружены три письма И. М. Шумкова, относящиеся к 1866-1867 гг. и записка 1873 г.
7. ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 213, т. 1, л. 770-770 об.
8. Водовозова Е. Н. (1844-1923) детская писательница, автор мемуаров, педагог и общественный деятель.
9. Водовозова Е. Н. На заре жизни: мемуарные очерки и портреты. – М., 1987. – Т. 2. – С. 168.
10. Там же. – С. 174-175.
11. ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 213, т. 1, л. 772.

12. Михайловский А. И. Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804-1904 гг.). – Казань, 1904. – Ч. 1. – Вып. 2 (1855-1884 гг.). – С. 642.
13. ЦГИА СПб, ф. 478, оп. 1, д. № 2427, л. 13.
14. Яковлев Н. Н. Указ. соч. – С. 10.
15. Клеменц Дмитрий Александрович (1848-1914), революционер-народник, этнограф, археолог и путешественник. Окончил Казанскую гимназию, в 1867-1869 гг. учился на физико-математическом факультете Казанского университета, на 4 курсе перешел в Петербургский университет.
16. Клеменц Д. А. Из прошлого. – Ленинград, 1925. – С. 112.
17. Там же. – С. 114.
18. Михайловский А. И. Указ. соч. – С. 730.
19. Отчет о состоянии частного Л. П. Крюковской училища для первоначального обучения, за 1871-1872 учебный год. – Казань, 1873. – С. 1.
20. ОРРК НБА КФУ, ед. хр. 213, т. 1, л. 770.
21. Казанская частная женская гимназия с профессиональным отделением Л. П. Шумковой. С 1871 по 1910 год. – Казань, 1910. – С. 11.
22. Там же. – С. 15.
23. Там же. – С. 16.
24. Школа и пансион в то время располагались во флигеле дома И. А. Износкова на Старо-Горшечной улице, ныне ул. Щапова. Дом и флигель не сохранились.
25. Казанская частная женская... – С. 18.
26. Там же.
27. Миславский Н. А. Н. О. Ковалевский (некролог) // Ученые записки Казанского университета. – 1892. – Кн. 3. – С. 145.
28. Протокол 3-го заседания соединенных секций: анатомии и физиологии, зоологии и сравнительной анатомии. 24 августа 1873 г. – Казань, 1873. – С. 4.
29. Григорьян Н. А. Казанская физиологическая школа. – М., 1978. – С. 77.
30. ОРРК НБА КФУ, ед. хр. 213, т. 1, л. 773.
31. Шмаков И. К сведению казанского городского обывателя // Камско-Волжская газета. – 1873. – № 134.
32. Там же.
33. Лексина Ю. А. Актовые речи в Казанском императорском университете. – Казань, 2014. – С. 59-60.
34. Ковалевский Н. О. Как смотрит физиология на жизнь вообще и на психическую, в особенности. – Казань, 1876. – 42 с.
35. С. Г. [Глинка С. Ф.]. Университет в 1870-х годах. Отрывки из воспоминаний // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Былое из университетской жизни. – Казань, 1904. – С. 285.
36. Смирнов А. И. Механическое мировоззрение и психическая жизнь // Ученые записки Казанского университета. – 1877. – Т. 1. – С. 290-354.
37. В библиотеке Казанского университета хранится экземпляр брошюры Шумкова с дарственной надписью и автографом в верхнем правом углу «Уважаемому профессору Виктору Васильевичу Пашутину. Ив. Шумков». В. В. Пашутин – ученик И. М. Сеченова, в 1874-1879 гг. был экстраординарным профессором кафедры экспериментальной патологии Казанского университета. В 1890-1901 гг. – начальник Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге.
38. Шумков И. М. К вопросу о психической жизни. – Казань, 1977. – С. 10.

39. Ковалевский Н. О. Курс физиологии / Под ред. И. М. Шумкова. В 2-х т. – Казань, 1879.
40. Сведения предоставлены праправнучкой И. М. и Л. П. Шумковых Ольгой Юрьевной Трейтер.
41. Дневник Казанского общества врачей при императорском университете. 1883 / Под ред. А. В. Петрова. – Казань, 1883. – С. 205.
42. Казанская частная женская... – С. 17.
43. Ежова С. Женское профессиональное образование в Казани в конце XIX – начале XX в. (На примере частной женской гимназии Л. П. Шумковой) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2016. – № 1/2. – С. 58-69.

Письма И. М. Шумкова Н. Я. Агафонову

№ 1.

Получ[ено] 13 декабря 1866 г.¹

Жму Вашу руку, достоуважаемый Николай Яковлевич!

Я должен поторопиться со сведениями для Вас о результате моего визита к Н. Н. Буличу². На мою просьбу о принятии меня на службу куда-нибудь к университету, с объяснением цели, он сказал: «Разве писцом я могу Вас (т. е. меня) поместить?» и предложил справиться по этому предмету в пятницу в факультетском правлении (кажется), а на мои объяснения о невозможности жить в Казани до этого времени, предложил «приехать из Спасска», – а как? Когда и куда? Этого я не стал домогаться, потому что Булич, видимо, куда-то торопился, – да к тому же тут был священник Владимирский. Если в словах Булича не было видно полной готовности помочь мне, то вообще я не встретил ничего и такого, что бы могло отнять у меня и надежду достичь своей цели. Между прочим, он сказал: «Если у Вас есть рвение, то отчего же де не учиться?».

На мои слова: «Я слышал³, что настоящий библиотекарь хочет оставить свое место», – Булич своим ответом: «А я де не слышал об этом», – видно хотел дать мне знать, что вакансия на библиотекаря еще пока не открылась. Да и прибавил, что мне неудобно будет посещать лекции оттуда, так как библиотекарь обязан быть на своем месте целые дни. Вот почти и все, что было говорено Буличем со мной.

Теперь, достоуважаемый, прошу Вас: помогите окончить дело как следует, как начали. Потрудитесь узнать – не могло ли действительно решиться что-нибудь в пятницу относительно моей судьбы? (Это можно у чиновника факультетского правления, Любишина, с которым, кажется, Вы знакомы).

Если настоящий библиотекарь действительно оставит свое место и если попасть в университетское правление или на другую службу в университете – мне нет шансов, то в этом крайнем случае прошу поддипломатичнее выгородить перед г. Буличем мне место в библиотеке, представив на вид, что если день я должен в библиотеке отдавать своей обязанности, то все остальное время могу заниматься, для прочного вступления в университет, языкоизучением.

В применении всего сказанного к делу, я полагаюсь на Вашу тактику, на Ваше распоряжение. Остаться в Казани до пятницы и лично просить Булича мне не было никакой возможности: и отпуск свой я просрочил, и денег не достало, несмотря на то, что займовал их у Глебова, чтобы прожить до среды, – и ямщик, нанятый мной из Спасска, торопит меня домой, потому что и ему в Казани жить было бы нечем. Это все – в скобках. Теперь мне остается или спешить в Казань сейчас же или так как это во многих отношениях рискованно, прежде попросить Вас узнать у Николая Никитича (представив на вид, что

спросить было негде): могу ли я надеяться на место и ныне ли должен поехать хлопотать об этом или можно хлопоты отложить до святков, когда во всяком случае будет удобнее просить увольнения и от должности учителя в Спасске, так как по учебному ведомству есть распоряжение начальства относительно перемещения учителей только в каникулы.

Да, учиться мне надо и хотелось бы. Надо Вам сказать, что предстоящие каникулы – единственное время, в какое только я нынче и могу рассчитывать на более или менее беспрепятственное со стороны начальства перемещение.

Во всяком случае, чтобы короче изложить Вам мое дело перед Буличем, прошу Вас узнать только выраженное в подчеркнутых строках.

А вот известие относительно пермской библиотеки буквально: «ее переводят в Думу, где есть своя небольшая. Веселов останется». С настоящей почтой попрошу подробных по этому предмету сведений, сообщив в Пермь известие Кастера, и спросивши, как Вы говорили о сдаче библиотеки г. Шидловскому или кому-нибудь.

Препровождаемый рубль (1 р[уб.]) прошу передать А. И. Глебову. Итак мне остается пока ждать от Вас письма. Что-то будет? – Жду.

Уважающий Вас Иван Шумков.

Р. С. Неужели, не дождавшись в Казани пятницы, я проиграл многое? Неужели мне не о чем уж и хлопотать – ни теперь, ни на святках?

Я слышал, что библиотека бывает открыта с утра только по праздникам, а в будни, дескать, она открывается после обеда.

Спасск. 8 декабря 1866 г.

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 213, т. 1, л. 767-769 об. Рукопись.

№ 2.

Спасск 7 янв[аря] 1867 г.

Получено 12 янв[аря] 1867 г. через Любишина.

Меня интересует и вижу, будет интересовать педагогика... Общество детей есть то же общество, в котором мы, взрослые, живем, в котором – бедствуем или благодушествуем, есть то же общество, только в миниатюре и с такой на первых порах разницей, что в обществе детей не замнутся, не затопчутся наши знания, убеждения, если они реальны. Следя и следуя за развитием детей, прямо и, так скажем, исторически натолкнешься на развитие общества, на его богатства и недостатки, на его здоровье и болезни... Надо учиться. Для педагогики надо учиться – психологии, физиологии, анатомии, химии, физики – многому надо учиться: все это интересно и само по себе. Ведь Вы, Николай Яковлевич, сочувствуете моим домогательствам – попасть сперва к университету, а потом и в университет? Так, надеюсь, не позабыли и не позабудете известить меня, если откроются какие-нибудь к этому шансы.

Точно так же (и это главнее предыдущего) мне не хотелось бы оставаться в неведении относительно места учительницы в предполагаемом к открытию приходском училище: были ли Вы у штатного смотрителя г. Максимова? Если «да», то, что же в результате? При удобном случае прошу известить.

Жму Ваши руки. Иван Шумков.

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 213, т. 1, л. 770-770 об. Рукопись.

№ 3.

Спасск 19 апреля 1867 г.
Получ[ено] 24 апреля 1867 г.

Достоуважаемый Николай Яковлевич!

Досадно, а делать нечего: приходится остаться на Пасхе здесь и досадовать, отказавшись пока от поездки в Казань, – отказавши и своему туда влечению и Вашему предложению. Было бы лишним выказать здесь причины этого.

Друг! Зачем расстраиваться, опускаться? Да и что значат в самом деле Ваши слова: «Расстроился я сильно, может быть и не дельно (Да, это невеселая картина, и вообще), но кто же знает? Приезжайте-ка на святой [неделе]⁴. Разве мое присутствие имеет тут какое-нибудь значение? (Что значит и то, что Вы интересуетесь так моим прибытием в Казань). Нет, Вы не опуститесь, это так только полоса какая-то пошла. Ну теперь и прошла должно быть. Вот Вы все-таки заняты, все-таки копошитесь и написали опять брошюру (о Солнцева), за присылку которой как за подарок благодарю: обе Ваши брошюры читались не одним мной.

Вот что, достоуважаемый! Ведь Лидии Петровне отказано из библиотеки, по милости особы (дамы), которая поступила к ней в товарищи и которая святым родня. Так вот о чем я и задумываюсь, вот что уж ясно, кажется, вызовет и Вас к чувствительности. Да место надо Лидии Петровне. Ее мать зовет к себе, но Л. П., как мне пишут, не хочет идти к ней, хочет жить самостоятельно хотя бы и в большой нужде. Пусть же, пусть... Побольше бы таких характеров и между мужчинами. Это было бы весело. Помочь надо, поддержать нам надо такой характер: место давайте, если Вы честно взялись помогать женщине и если Вы так же интересуетесь этим делом как зимой. Впрочем, я боюсь скомпрометировать себя перед Л. П. усердными за нее просьбами. Но надо иметь в виду, что я знаю Вас и что, касаясь примера ее, имею в виду вообще женщину. Приехать в Казань, я приеду при первой возможности. А в каникулы я буду жить там, чтобы что-нибудь устроить.

Потрудитесь пока справиться у шт[атного] смотр[ителя] Максимова, что известно ему по предложению об открытии женского училища на счет земского общества? Есть ли слухи какие-нибудь по этому? Вообще, желательно бы знать всякую мелочь об этом и при всяком удобном случае не лишайте меня сведений. Место учительницы самое соответственное для Л. П. Вообще же она не пренебрежет, кажется, и всяким другим, где можно честно трудиться. Жму Ваши руки.

Прошу Вас не оставлять меня в неизвестности ни о Вас ни о деле нашем. И. Шумков.

ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 213, т. 1, л. 771-772 об. Рукопись.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Отметка о получении письма сделана Н. Я. Агафоновым.
2. Булич Николай Никитич (1824-1895), профессор кафедры русской словесности, проректор Казанского университета в 1864-1870 гг.
3. Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе.
4. Зачеркнуто.

Список литературы

- Григорьян Н. А. Казанская физиологическая школа. – М.: Наука, 1978. – 255 с.
- Ежова С. Женское профессиональное образование в Казани в конце XIX – начале XX в. (На примере частной женской гимназии Л. П. Шумковой) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2016. – № 1/2. – С. 58-69.

Казанская частная женская гимназия с профессиональным отделением Л. П. Шумковой. С 1871 по 1910 год. – Казань, 1910. – 116 с.

Лексина Ю. А. Актовые речи в Казанском императорском университете. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 408 с.

Русский биографический словарь: Шебанов – Шютц / Под ред. В. Г. Дружинина, М. Г. Курдюмова. [Репринт]. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 557 с.

References

Grigoryan N. A. *Kazanskaya fiziologicheskaya shkola* [Kazan Physiological School]. Moscow, Nauka publ., 1978, 255 p.

Ezhova S. *Zhenskoe professionalnoe obrazovanie v Kazani v kontse XIX – nachale XX v. (Na primere chastnoy zhenskoy gimnazii L. P. Shumkovoy)* [Occupational education of women in Kazan in the late 19th and early 20th century (The case study of L. P. Shumkova private girl's high school)]. *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2016, no. 1/2, pp. 58-69.

Kazanskaya chastnaya zhenskaya gimnaziya s professionalnym otdeleniem L. P. Shumkovoy. S 1871 po 1910 g. [Kazan private girl's high school with the professional department of L. P. Shumkova. From 1871 to 1910]. Kazan, 1910, 116 p.

Leksina Y. A. *Aktovye rechi v Kazanskom imperatorskom universitete* [Commencement address at Kazan Imperial University]. Kazan, 2014, 408 p.

Russky biograficheskiy slovar: Shebanov – Shyuts. Pod red.: V. G. Druzhinina, M. G. Kurdyumova [V. G. Druzhinin, M. G. Kurdyumov (eds.). Russian Biographical Dictionary: Shebanov – Schutz]. Moscow, Aspect Press publ., 1999, 557 p.

Сведения об авторе

Ежова Светлана Алексеевна, кандидат исторических наук, главный библиограф Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета, e-mail: sezhova@mail.ru.

About the author

Svetlana A. Ezhova, Candidate of Historical Sciences, Chief Bibliographer at N. I. Lobachevsky Scientific Library, Kazan Federal University, e-mail: sezhova@mail.ru.

В редакцию статья поступила 26.01.2018, опубликована:

Ежова С. А. Иван Михайлович Шумков: штрихи к портрету русского интеллигента второй половины XIX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2018. – № 3. – С. 87-101.

Submitted on 26.01.2018, published:

Ezhova S. A. *Ivan Mikhailovich Shumkov: shtrihi k portretu russkogo intelligenta vtoroy poloviny XIX v.* [Ivan Mikhailovich Shumkov: strokes to the portrait of the Russian intellectual of the second half of the 19th century]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2018, no. 3, pp. 87-101.